

Чэнду, Китай

Влажный, пропитанный испарениями воздух мягко окутывал лицо, оседая на коже прохладной росой. Вокруг громоздились изумрудные горы, укутанные плотным ковром вековых деревьев. Из тишины монастыря на самой вершине доносился мерный, глубокий звон колокола — он плыл над склонами, смывая суету и принося душе перевозданный покой.

На улицах Чэнду царило дремотное умиротворение. Мелкие торговцы в простецких шлепках лениво раскладывали нехитрый товар, даже не думая зазывать покупателей. Одни увлеченно резались в маджонг, другие просто сидели на низких табуретах у обочины, затягиваясь дешевыми сигаретами и лениво поглядывая на редких прохожих. Этот город жил в ритме бесконечной, сладкой неги, к которой невольно тянулось усталое сердце.

Пэй И, лениво поправив воротник, повернулся к Чжан Шаочи:

— Когда я наконец выйду на пенсию... Если, конечно, здоровье позволит и мне не придется доживать свои дни на койке в реанимации Маленького красного здания... давай переедем сюда?

Чжан Шаочи больше всего на свете ненавидел, когда его мальчишка заводил эти свои мрачные разговоры про подорванное здоровье и палаты интенсивной терапии. Ему хотелось физически зажать этот несносный рот ладонью и заставить Пэй И замолчать.

— Решено, — коротко и веско бросил Чжан-цзун. — Купим здесь дом. Или целое здание.

Пэй И весело рассмеялся, обнажив ровные белые зубы:

— Босс, ну и размах! А я-то думал, мы снимем скромный деревенский домик, устроим там гостевую усадьбу. Я буду сидеть за стойкой и собирать плату с постояльцев, ты — орудовать на кухне у плиты и возить гостей... Красота же!

Его шутливые фантазии были бесцеремонно прерваны: Чжан Шаочи бесцеремонно сжал его болтливые губы сильными пальцами, покрытыми жесткими оружейными мозолями.

— Вот когда выйдешь на пенсию, — хмуро процедил босс Чжан, — и если я к тому времени еще буду крепко стоять на ногах, тогда и поедем дурью маяться.

Пэй И мгновенно перехватил инициативу. Улыбка сошла с его лица, и он прижал указательный палец к губам Чжан-цзуна:

— Ты всегда будешь крепким. Стальной, негибачаемый, а в постели — просто зверь. И вообще, ты еще не старый, так что не неси чепуху.

Этот неожиданный комплимент, особенно его пикантная часть, явно польстил самолюбию Чжан Шаочи. Он довольно хмыкнул, перехватил ладонь Пэй И и крепко сжал его пальцы в замок. Так они и пошли дальше.

У придорожного лотка они купили порцию сладких рисовых пирожков с тростниковым сахаром и две пиалы травяного желе гуйлингао. Присесть было негде, поэтому они устроились прямо у обочины, шумно и с аппетитом уплетая угощение.

Утерев губы, Пэй И задумался.

Вернувшись в Китай для отчета о проделанной работе, командир оперативной группы Пэй И выбил себе скромные две недели отпуска. Это время он потратил на поездку по южным провинциям — искал адреса старых знакомых, чтобы навестить родные места Нин Фэйюя и Хуан Юнфэна.

Сейчас они стояли неподалеку от тесного, душного переулочка. На здешнем ночном рынке вовсю шкворчал гриль. Молодой парень буквально утопал в клубах ароматного дыма, без устали переворачивая шашлычки на мангале для проголодавшихся гостей. Дела у него шли бойко: столики ломились от местных жителей и заезжих туристов, клиенты сменяли друг друга один за другим.

Уголь разгорался ярким пламенем, отбрасывая багровые блики на уставшее лицо Юй Фэя.

На нем была старая, застиранная до белизны футболка, широкие шорты и простые резиновые шлепанцы — обычный местный работяга. В углу рта дымилась половина сигареты. Казалось, он никогда не докуривает ее до конца: просто держит на губах, медленно смакуя горьковатый вкус табака, словно это было его безмолвной данью памяти ушедшему близкому человеку.

Пэй И сидел за столиком напротив, через дорогу, лениво помешивая ложкой вонтоны в пиале.

Он заказывал порцию за порцией, но даже не прикасался к еде, пододвигая тарелки своему спутнику. Чжан Шаочи, не выдержав этого гастрономического марафона, наконец проворчал:

— Слышь, мелкий, прекращай заказывать эти чертовы пельмени! Я сейчас лопну.

Пэй И не ответил. Его взгляд был прикован к парню у мангала. Он долго, пристально разглядывал Юй Фэя.

Сам не понимал, зачем пришел сюда. Он прекрасно знал, что никаких зацепок здесь не найти. Это была глухая, непреодолимая потребность — увидеть этих людей воочию, прикоснуться к их настоящей, неприкрашенной жизни. Словно в их простых лицах, неспешных жестах, в стуке

костей маджонга или в табачном дыме он пытался отыскать крупницы собственной утерянной чистоты.

Ночь близилась к концу, посетители понемногу расходились. За парой столиков еще засиживались полуночники, лениво потягивая пиво и щелкая семечки. Юй Фэй присел на ящик у палатки и уткнулся в экран телефона.

Интересно, пересматривает ли он старые фотографии своего погибшего парня?

В памяти Пэй И невольно всплыли картины чужого прошлого.

Тенистые деревья у школьных ворот, шумная толпа учеников, виляющие велосипеды. Два худых подростка едут, лавируя между машинами, их смех сливается со звоном велосипедного колокольчика...

«Ты мне все шины продавил! — ворчит Юй Фэй, крутя педали. — Придется у матери просить денег на нового коня».

«Вот заработаю денег и куплю тебе "Мерседес"! — отзывается с багажника Нин Фэйюй. — Точно такой же серебристый, что только что пролетел мимо. Считай это моим свадебным подарком!»

Юй Фэй прыскает со смеху: «Да ты свои долги за учебу до пятидесяти лет выплачивать будешь! Опять небось втайне кредит взял? Отец просил передать, чтобы ты завязывал с этими мутными делами...»

А потом — тусклый свет монитора в скромной комнатухе, старенький подержанный компьютер, на котором застыл курсор, и отчаянные, бесконечные строчки, которые Юй Фэй набивал на клавиатуре:

«Мне не нужен "Мерседес". И в Америку я больше не хочу. Просто вернись...»

К палатке подошли немолодые, полноватые супруги в простой домашней одежде. Они принялись молча помогать сыну убирать столы. Мать негромко что-то выговаривала Юй Фэю, направляя его работу. Обычная, честная рабочая семья.

Пэй И заметил, что на предплечье Юй Фэя, несмотря на прошедшее время, все еще была повязана траурная черная лента.

Пэй И отвернулся. Глаза его мгновенно повлажнели, в груди защемило от подступившей горечи.

Чжан Шаочи мягко взъерошил его волосы. Он без слов понимал, что творится в душе его мальчика, и просто хотел дать ему капельку тепла.

Он постепенно узнавал своего Пэй И. Тот привык прятать глубокое чувство долга под маской напускного цинизма и легкомыслия. С таким характером жить невероятно тяжело. Вечное чувство вины, бесконечные терзания и самобичевание, которые он упорно скрывал от окружающих, вымещая внутреннее напряжение самыми безумными способами... Рано или поздно это могло свести с ума любого.

Чжан Шаочи поднялся, бросил на стол деньги за вонтоны и легонько подтолкнул Пэй И к выходу:

— Пошли, егоза. Хватит травить себе душу.

Перед уходом Пэй И все же подошел к прилавку Юй Фэя и выкупил все оставшиеся шпашки с мясом — и сырые, и уже пожаренные. Хотел, чтобы эта семья поскорее закончила работу и ушла отдыхать.

Юй Фэй опешил. Он вытер руки полотенцем и растерянно спросил:

— Давайте я вам их дожарю?

— Не надо, — не глядя на него, буркнул Пэй И.

— Но они же полусырые. Как вы их есть будете? — удивился парень.

— Прямо так и съем, — ляпнул Пэй И первое, что пришло в голову.

Юй Фэй застыл с сигаретой в зубах. «Станный какой-то клиент, с приветом», — читалось на его лице.

— Мы дома пожарим, устроим ночной пикник, — быстро вмешался Чжан Шаочи. Он забрал увесистый пакет с мясом и, собственническим жестом обняв Пэй И за талию, увлек его за собой.

Стоило им завернуть за угол, как Пэй И крепко обнял своего мужчину, уткнувшись носом в его плечо. Вся его колючая броня мгновенно осыпалась.

Он тихонько смахнул слезу:

— Если я смогу докопаться до истины и заставить ублюдков заплатить за все... это будет хоть

каким-то утешением для их чистых, невинных душ.

В глубине души Пэй И терзала мысль: пока он не распутает этот клубок лжи и не восстановит справедливость ради погибших товарищей, он просто не имеет права на счастье и спокойную жизнь. Это смутное беспокойство.

<http://bllate.org/book/19434/1999032>